Любовь достойна этого имени только тогда, когда она состоитъ въ пожертвованіи собой. Когда человѣкъ даетъ другому не только время и силы, но жертвуетъ своимъ тѣломъ, жизнью своею для любимаго предмета, тогда только всѣ мы признаемъ, что это любовь единственная,—любовь, которая можетъ всѣмъ намъ доставить благо—награду любви. И только потому и можетъ держаться міръ, что такая любовь существуетъ въ сердцѣ людей.

Нельзя не пожалѣть, что, говоря о любви, графъ Толстой недостаточно различаетъ ея виды: любовь къ дѣтямъ, любовь къ отечеству, любовь къ ближнему, любовь къ истинѣ—вещи весьма различныя (я не говорю о тѣхъ формахъ любви, которыя не заслуживаютъ этого имени, по крайней мѣрѣ съ точки зрѣнія графа Толстого).

Графъ Толстой обходитъ также, какъ будто намѣренно, вопросъ объ объективной сторонѣ любви. Если бы люди были богами,—замѣчаетъ онъ,—только тогда они могли бы любить однихъ избранныхъ людей. Только тогда актъ предпочтенія однихъ предъ другими могъ бы быть настоящею любовью. Но люди не боги и находятся въ такихъ условіяхъ существованія, гдѣ всѣ живущіе живутъ только на счетъ другихъ, другъ друга пожираютъ и въ точномъ и въ переносномъ смыслѣ, и человѣкъ, какъ разумное существо, долженъ знать, что всякое матеріальное благо достигается только въ